

Экономические причины войн XXI века

В.БУГЕРА

Когда мы ставим вопрос об экономических условиях, которые будут определять характер войн в XXI веке, нам необходимо с самого начала исходить из следующих фактов.

1. Вот уже более ста лет все рынки в мире настолько связаны, что их можно рассматривать лишь как сегменты единого мирового рынка, и вся мировая экономика является органически единым целым, каждая часть которого является такой, какова она есть, лишь во взаимосвязи со всеми остальными частями.

2. В настоящее время практически во всем мире господствует монополистический капитализм, и очевидно, что направление развития мировой экономики в первой половине XXI века будет определяться закономерностями его развития.

Поскольку объект нашего познания является органически единым, то исследование и прогнозирование развития любой его стороны дает хотя бы мало-мальски истинные результаты лишь в том случае, если мы *начнем познание части с познания целого*. Лишь исходя из закономерностей развития современной всемирной монополистическо-капиталистической экономики, мы сможем понять, какие именно экономические причины обусловят войну в том или ином регионе, как они повлияют на ее характер и течение, как они будут сочетаться с теми причинами войны, которые непосредственно не являются экономическими.

Уже более ста лет – с тех пор, как капитализм стал монополистическим – траектория мирового научно-технического прогресса представляет собой удивительную картину. Неуклонно модернизируется только производство оружия, что же касается кривой модернизации производства мирных товаров массового потребления, то она совершает следующие изгибы:

круто поднимается в самом начале XXв., но к началу первой мировой войны этот подъем становится более пологим;

после войны наблюдается не очень крутой подъем 1920-х гг., обрывающийся в Великую депрессию 1929–1933 гг.;

по окончании этого всемирного кризиса – застой, почти совершенно горизонтальная линия, плато;

после второй мировой войны – крутой и длительный подъем, обрывающийся в мировой экономический кризис начала 1970-х гг.;

после кризиса – очень пологий, все менее и менее заметный подъем (за исключением лишь массового производства компьютеров и программного обеспечения к ним – здесь модернизация идет все еще быстро и мощно, но ее результаты все меньше внедряются в производство товаров широкого потребления, не связанных непосредственно с военными нуждами), превратившийся в конце XX – начале XXI вв. в совершеннейшее плато, такое же как накануне второй мировой войны.

Складывается впечатление, что *при монополистическом капитализме модернизация производства мирных товаров широкого потребления стимулируется исключительно большими войнами*.

Бугера Владислав Евгеньевич, д-р филос. наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета, заместитель председателя Башкирского отделения Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта

И это впечатление совершенно правильно: в эпоху империализма монополиям действительно оказывается, как правило, выгоднее совершенствовать производство пушек вместо масла (а если уж все-таки масла, то как провианта для армии, а не как товара для мирного населения). На то есть две причины. Первая обусловлена тем, что монополиям выгоднее не тратиться на модернизацию мирного производства, но *расширять свои сферы влияния* и тем самым увеличивать сверхприбыли, получаемые за счет монопольных цен; а для того, чтобы расширять сферы влияния, нужно воевать или по крайней мере бряцать оружием. Вторая причина заключается в том, что *во время войны прибыли капиталистических монополий перестают быть ограниченными покупательной способностью населения*: в отличие от мирного времени во время войны большинство товаров, производимых переориентированными на войну промышленностью и сельским хозяйством – оружие, провиант и обмундирование для армии и т.п., покупает не население, а *государство*, и потому можно урезать заработную плату до размеров еле-еле достаточного для выживания ежедневного пайка, не опасаясь того, что обнищавшее население перестанет покупать товары и наступит экономический кризис (как это неизбежно произошло бы в мирное время). А если еще учесть, что в военное время можно увеличить рабочий день до размеров, немыслимых в мирное время, и обосновать сокращение зарплаты и увеличение рабочего дня необходимостью военного времени (а с теми, кто будет протестовать или просто уклоняться от работы, расправляться опять-таки по законам военного времени – как с вражескими пособниками), то становится понятно, что большая война оказывается золотым дном для монополий *всех, в том числе и проигравших войну* стран, участвовавших в войне. (Так, хорошо известно, что проигрыш Германии в обеих мировых войнах не помешал ее монополиям очень хорошо нажиться на них. Для эпохи империализма вдвойне верна старая истина: все выгоды от войн между государствами присваивают эксплуататоры, а все издержки ложатся на плечи эксплуатируемых).

Исходя из всего этого, становится понятным не только то удивительное явление, что вот уже сто лет подряд без перебоев прогрессирует только производство оружия, но также и другой, не менее поразительный факт, тоже имеющий место на протяжении последних ста лет: *разработка большей части новейших высоких технологий финансируется военными ведомствами, а сами эти технологии применяются сначала в производстве продукции военного назначения и лишь потом находят себе мирное применение*.

Технически модернизировать производство мирных товаров монополиям становится по-настоящему выгодно лишь *сразу после войны*, когда хочешь не хочешь, а приходится вновь переводить на мирные рельсы часть экономики. Рабочей силы после военной мясорубки остается мало, и палкой ее на заводы и фермы в отличие от военного времени не загонишь, следовательно, надо хотя бы незначительно поднимать зарплату, чтобы привлечь пролетариев на предприятия. Покупательная способность населения крайне низка, следовательно, нельзя очень уж повышать цены. Как же тогда получать прибыль? Выход только один: технически модернизировать производство и производить настолько нужные широким массам и при этом дешевые товары, чтобы они хорошо раскупались даже обнищавшим населением.

Конечно, модернизация техники в обнищавшей стране не обещает скоро окупиться и потому является весьма рискованным мероприятием. Однако этот риск несколько уменьшается за счет того, что во время войны в военном производстве была наработана масса новейших технологий, которые теперь можно в готовом виде, уже не тратя средства на их разработку, переносить в мирное производство. Кроме того, разрушение производственных мощностей в ходе военных действий не только затрудняет, но вместе с тем парадоксальным образом в некотором отношении *облегчает* техническую модернизацию производства: как это хорошо известно

специалистам, дешевле выстроить новый завод, оснащенный новейшей техникой, на пустом месте, чем переоснащать старый завод, переоборудуя старые постройки и коммуникации. Получается так, что противник берет на себя расходы по разрушению устаревших предприятий, расчищая место для строительства предприятий модернизированных.

Все эти причины, вместе взятые, приводят к тому, что *заметные скачки в модернизации мирного производства происходили в эпоху империализма именно после мировых войн как их результат и иначе не могли бы произойти.*

Однако всему, что имеет начало, рано или поздно приходит конец, и послевоенный подъем мирного капиталистического производства рано или поздно заканчивается мировым экономическим кризисом. Заканчивается и кризис, но тут-то и обнаруживается, что *при монополистическом капитализме (в отличие от капитализма свободноконкурентного) в мирное время не существует устойчивых стимулов, которые побуждали бы капиталистов к дальнейшей технической модернизации мирного производства.* В мирном производстве усиливаются застойные тенденции (в конце концов мировая экономика впадает примерно в такой же застой, как в 1930-е гг. или как сейчас, когда даже модернизация персональных компьютеров постепенно замедляется), и только производство оружия продолжает модернизироваться так же динамично, как и раньше. Так и живет человечество до тех пор, пока накопившиеся за время зстоя противоречия между делящими мир финансовыми группировками не выльются в очередной передел мира.

Интервалы между этими переделами могут быть различны. Первый и второй империалистические переделы мира разделяют всего лишь двадцать лет, а с момента окончания второй мировой войны прошло уже больше шестидесяти лет – и третья всемирная бойня все еще не началась. Правда, говорят о ней уже много: начиная с 11 сентября 2001г. выражение «третья мировая война» все чаще и чаще мелькает в СМИ. О второй мировой войне тоже начали говорить задолго до того, как она разразилась... Но все же, благодаря чему человечество вот уже седьмой десяток лет живет без мировых войн? Ответ на это мы найдем в трудах Николая Дмитриевича Кондратьева.

В своих работах «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (1922) и «Большие циклы экономической конъюнктуры» (1926) Кондратьев описывает открытые им большие циклы в развитии мировой капиталистической экономики – гораздо более длительные, чем те циклы, одной из фаз которых являются всемирные кризисы перепроизводства. Как убедительно показал Кондратьев, большие циклы капиталистической экономики связаны с тем, что производительные силы индустриального общества модернизируются *регулярно*: их коренное обновление происходит с определенной периодичностью, примерно раз в полстолетия. В первую половину каждого из этих полувековых периодов производительные силы выходят на новый уровень развития, а во вторую половину «закрепляются» и «застаиваются» на этом уровне развития вплоть до начала очередного обновления.

Кондратьев лишь положил начало объяснению механизма, посредством которого реализуется открытая им исключительно важная закономерность в развитии капитализма. Исчерпывающим образом логика «больших циклов» раскрыта в книге С.Меньшикова и Л.Клименко «Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу», замечательной по глубине и полноте изложения, сочетающихся с ясностью и лаконизмом. К их объяснению сущности «больших циклов», основанному на глубоком прочтении не только работ Кондратьева, но и Марксова «Капитала», просто нечего прибавить, поэтому мы здесь и ограничиваемся ссылкой на эту прекрасную работу выдающихся российских экономистов, не вдаваясь в ее цитирование. В рамках нашей темы достаточно указать на то, что окончание второй мировой войны непосредственно предшествовало, говоря словами Кондратьева, «повышательной волне» очередного

«большого цикла» – той самой волне, которая принесла с собой научно-техническую революцию (НТР). Эта волна, создавая качественно новые технологии (а следовательно и потребности в них и в еще более новых, доселе невообразимых технологиях) и тем самым открывая великое множество ранее не существовавших рынков, позволила монополиям всего мира несколько десятков лет подряд получать огромные сверхприбыли за счет модернизации мирного производства, обходясь без очередной всемирной мясорубки и ограничиваясь «холодной войной» и локальными войнами для выяснения отношений между собой. А вот между первой и второй мировыми войнами как раз пришла «понижательная волна» «большого цикла», то есть *застой в модернизации мирного производства*, заставлявший монополистический капитал всего мира как можно быстрее вновь обрести источник сверхприбылей в очередной всемирной бойне. Потому-то вторая мировая война и началась всего лишь через двадцать лет после окончания первой.

Названные выше работы Кондратьева, Меньшикова и Клименко стоит почитать для того, чтобы научиться понимать, как различные циклы капиталистической экономики наслаиваются друг на друга, искажают картину друг друга, *скрывают* действие лежащих в их основе закономерностей, но вовсе не отменяют этих закономерностей и их действия. В частности, тот факт, что человечество сумело прожить более шестидесяти лет без мировых войн, вовсе не отменяет действия той закономерности развития монополистического капитализма, которая уже обусловила две мировые войны.

Международные буржуазные организации, экономические и политические (ООН и множество других), можно совершенно не принимать в расчет как силы, способные предотвратить третий империалистический передел мира. Опыт последнего двадцатилетия убедительно показал, что если влиятельным монополистическим группировкам нужно развязать войну в том или ином уголке мира, то никакие организации, договоры, соглашения, нормы международного права не в силах помешать этому.

Мир сильно изменился после 1945г., а значит, третий империалистический передел мира будет очень сильно отличаться от первых двух. Одним из основных источников этих отличий станет тот факт, что первые две мировые войны происходили еще в эпоху «классической» мировой системы колониализма, на смену которой пришла и прочно утвердилась система *неоколониализма*.

Во времена первых двух мировых войн было несколько сильных империалистических держав, а весь остальной мир представлял собой *большую часть* их колонии, и лишь *меньшей частью* – полуколонии, очень слабые и экономически, и политически. Поэтому первые два больших империалистических передела мира происходили так: небольшое число сильнейших держав делились на два блока, непосредственно вступали в схватку друг с другом, а все остальные государства следовали за тем или другим блоком в роли оруженосцев, снабженцев и прочего обслуживающего персонала – одним словом, в роли статистов. В XXI веке все будет иначе, поскольку современные средне- и слаборазвитые страны – это уже не прежние колонии, но сплошь политически суверенные государства; и хотя все они находятся в той или иной степени в полуколониальной зависимости от наиболее высокоразвитых империалистических государств, однако среди этих полуколоний мы все же видим немало довольно сильных и экономически, и политически буржуазных государств со своими особыми, вполне определенными империалистическими интересами и межимпериалистическими противоречиями. Если государства такого рода будут вовлечены в третий передел мира, то они примут в нем хотя и не абсолютно, но все же в большой мере самостоятельное участие. Они уже будут не просто участвовать в массовке, но играть свои собственные, хотя и не главные роли. Противоречия между такими государствами не могут полностью вписаться в рамки

противостояния между двумя блоками сильнейших империалистических держав. Следовательно, во-первых, многие среднеразвитые (и даже слаборазвитые) капиталистические государства уже не будут просто снабженцами и оруженосцами сильнейших держав, как в первых двух мировых войнах, но *будут вести свои войны*; а во-вторых, в процессе третьего передела мира мировая буржуазия разделится отнюдь *не на два, а на большее количество противостоящих друг другу блоков*, ведущих, скорее всего, *целый ряд больших локальных войн, почти (но не обязательно полностью!) одновременных, так или иначе связанных между собой и переходящих друг в друга*.

По-видимому, полем этой грядущей серии локальных войн будут несколько одинаково важных театров военных действий, разбросанных по всему миру: сегодня в мире столько несводимых друг к другу узлов межимпериалистических противоречий, что их никак не получится стянуть в один или два каких-то определенных региона, чтобы там разрубить их все. И если первые две мировые войны велись сильнейшими империалистическими державами (за исключением США) либо на своей же территории, либо в непосредственной близости от нее, то серия войн за новый передел мира, скорее всего, начнется на территории средне- и слаборазвитых стран, а на территорию высокоразвитых стран перекинется не сразу (если вообще перекинется).

Такие войны, как недавний захват Ирака Соединенными Штатами Америки, вряд ли будут типичными для предстоящего передела мира: в подавляющем большинстве случаев будут иметь место такие войны, как та, что была между Ираком и Ираном в 1980-е гг. Может быть, цепочка локальных империалистических войн так и не коснется Западной Европы, США и Японии, хотя, возможно, в конце концов эти войны перекинутся и на какую-то часть названных регионов. В частности, Балканский полуостров (а точнее, государства, возникшие на территории бывшей Югославии, и Албания) является одним из наиболее вероятных очагов возгорания тех войн, которые предстоит испытать на себе человечеству в наступившем столетии. Если же на Балканах вновь начнутся большие войны, то Европейскому союзу неизбежно придется в них вмешаться и огонь войны может опалить и Западную Европу...

Можно ли в точности предсказать, какие именно государства будут воевать друг с другом в XXI веке, и хотя бы примерно, когда именно они ввяжутся в войны? Очевидно, что для того, чтобы давать обоснованные прогнозы такого рода, анализ глобальных закономерностей развития современной капиталистической экономики хотя и необходим, но совершенно недостаточен. Если мы попытаемся давать детализированные прогнозы относительно будущих войн, не учитывая массы местных условий тех или иных регионов (через которые как раз и будут реализовываться глобальные экономические закономерности), то подвергнем себя риску оказаться в положении бравого солдата Швейка. Читатели бессмертного романа Ярослава Гашека помнят, что сразу после убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево Швейк совершенно правильно предсказал, что начнется мировая война, но расстановку сил в этой войне определил с точностью до наоборот...

Точное прогнозирование конкретных войн в тех или иных регионах мира и необходимое для такого прогнозирования подробное исследование местных условий в этих регионах выходит за рамки темы данной статьи. Эти рамки позволяют нам лишь обозначить наиболее вероятные очаги возгорания будущих войн и тем самым наметить наиболее важные направления будущих исследований по этому вопросу.

Среди наиболее вероятных очагов будущих локальных войн следует прежде всего назвать Балканы, о которых уже говорилось выше, и Ближний и Средний Восток, а также примыкающие к ним Среднюю Азию, Закавказье и Северный Кавказ. Эти регионы настолько долго и настолько очевидно являются «горячими точками» – язвами, воспаляющимися и кровоточащими в порядке реакции чуть ли не на любое

обострение межимпериалистических противоречий в мире вот уже на протяжении более чем ста лет, что нет необходимости задерживаться на детальном доказательстве того, что третий империалистический передел мира реализуется в этих регионах как в форме *межгосударственных*, так и в форме межэтнических и межконфессиональных *гражданских* войн. После второй мировой войны такой же «горячей зоной» стала практически вся Африка, где в первой половине наступившего столетия можно с уверенностью прогнозировать рост даже не столько межгосударственных, сколько межплеменных войн.

Далее нам следует обратить внимание на государства, наиболее высокоразвитые из средне- и слабо развитых, – государства, чья экономика кажется на фоне всемирного застоя бурно растущей. Эти государства претендуют на одну и ту же нишу в системе международного разделения труда – на роль поставщиков либо сырья, либо дешевых товаров, а также дешевой (хотя иногда довольно-таки высококвалифицированной) рабочей силы на мировой рынок. Поэтому между такими государствами сплошь и рядом существуют и нарастают глубокие экономические противоречия – слишком глубокие, чтобы увидеть их с первого взгляда: на поверхности явлений мы видим лишь то, что эти государства часто поддерживают между собой прекрасные дипломатические отношения, наращивают товарооборот, и, казалось бы, ничто не обещает нарушить эту идиллию, на самом деле такую хрупкую...

Такие государства мы находим прежде всего в Азии. Следует внимательно анализировать экономические и политические отношения не только между Индией и Пакистаном (здесь потенциальная возможность войны очевидна), но и Индией и Китаем, Китаем и Россией, Индонезией и Малайзией. Зато исследователям вряд ли стоит тратить время и силы как на Северную, так и на Южную Корею. Южную Корею от всех нападков защитят США; что же касается Северной Кореи, то сколько бы она ни грозила ядерными испытаниями и ни скандалила в ООН, никто на нее не нападет по двум причинам. Во-первых, она ни для кого из своих соседей не является серьезным конкурентом в дележе экономических сфер влияния, в борьбе за место на мировом рынке; во-вторых, всякий, кто свергнет нынешний северокорейский режим, окажется лицом к лицу с проблемой: а что же делать с миллионами северокорейских безработных, которые никому, в том числе и Южной Корее, не нужны? Короче говоря, единственно, чем Северная Корея может пригодиться буржуазии мировых империалистических держав и соседних с ней государств – это именно своим неограниченно долгим существованием в нынешнем виде, чтобы, если некого больше будет объявлять «центром зла», служить хотя бы ничтожным, но все же поводом для военных госзаказов.

Странно то, что до конфликта, случившегося в этом году на севере Южной Америки, кажется, почти никто не ставил вопрос о том, не является ли Латинская Америка очагом будущих войн? А между тем на этот регион стоило бы обратить пристальное внимание именно с данной точки зрения. Во-первых, там издавна – причем чем дальше, тем больше – сталкиваются интересы самых разных империалистических держав. Во-вторых, там располагается целый ряд государств с неслабыми армиями, государств, которым в XIX веке уже доводилось довольно-таки интенсивно воевать друг с другом. Некоторые из них на фоне всемирного застоя выглядят экономически растущими (как, скажем, Бразилия); тем самым возникают основания для борьбы между ними за одну и ту же нишу в системе мирового разделения труда. И как раз недавно начали появляться поводы для того, чтобы перевести эту борьбу в форму настоящей войны: уже в нескольких латиноамериканских государствах к власти пришли правительства, поднявшие красный флаг и заявляющие словесные претензии (правда, не очень-то обоснованные практически) на радикальную левизну. Как показывает опыт истории последних полутора столетий, если кто-то поднял красный флаг – это очень удобный предлог для того, чтобы признать дерзкого вне норм права (в том числе международного) и объявить на него охоту.